

С чего начать?

Первое, что я говорю каждой новой группе в начале занятий: хорошо писать — значит рассказывать правду. Мы, люди, особый биологический вид: в нас заложена потребность разобраться и понять, кто мы есть. Блоха обыкновенная, например, ее не испытывает (вероятно, поэтому блохи ничего и не пишут). Но мы-то испытываем. Нам очень многое хочется высказать и прояснить для себя. У каждого моего ученика всегда есть истории, которые так и рвутся наружу. Поэтому студенты берутся за письменные работы с радостью и энтузиазмом: наконец-то их кто-то услышит, они смогут посвятить себя делу, о котором мечтали с детства! Но когда проведешь за письменным столом несколько дней, оказывается, что рассказать свою правду, да еще и сделать ее интересной, примерно так же «легко и приятно», как выкупать кошку. Многие разочаровываются. Их вера в себя и в ценность их историй разбивается вдребезги. Обычно такие студенты в первый день похожи на жизнерадостных утят: готовы идти за мной хоть на край света. На втором занятии видно, что прыть резко поубавилась.

— Я даже не знаю, с чего начать! — обязательно стонет кто-то из группы.

Начинайте с детства, отвечаю я. Зажмите нос и ныряйте. Запишите все свои воспоминания по возможности точно. Фланнери

О'Коннор говорила: любой, кто пережил детство, набрал достаточно материала на всю оставшуюся жизнь. Если ваше детство было тяжелым и беспроектным — что ж, и мрачная вещь сойдет, была бы хорошо сделана. Насчет «хорошо», правда, пока лучше забыть. Главное — начать.

Материала может оказаться так много, что у вас заклинит мозг. Одно время я писала отзывы о ресторанах, и у меня в голове перемешалось столько мест и блюд, что бесполезно было идти ко мне за советом, где бы поесть. Запрос надо было сузить. Вот если бы меня спросили, например, про индийскую кухню, я вспомнила бы один шикарный ресторан-дворец, где мой тогдашний спутник попросил подать «ассорти из Киплинга», а затем — рагу из священной коровы. Потом мне на ум пришло бы множество других случаев и других индийских ресторанов.

Так что для начала вы можете записать все, что вспомните о первых школьных годах или даже детском саде. Старайтесь подробно описать каждое воспоминание. Не страшно, если это будет плохо, — все равно никто не прочтет. Двигайтесь постепенно: первый класс, второй, третий. Какие у вас были учителя, одноклассники? В чем вы ходили? Чему завидовали?

Теперь добавим деталей. Вы ездили на отдых всей семьей? Напишите об этом. Помните, насколько солидней выглядели остальные семьи? Помните, как ваши родители потеряли колпачок от той штуки, через которую надувают плавательный круг, и вы все время царапали о ее резьбу бока и бедра? А у других детей родители никогда ничего не теряли!

Если это вас не вдохновит или вдохновит, но материал быстро закончится, попробуйте сосредоточиться на важных семейных событиях и праздниках. Может быть, так вы сумеете воссоздать

атмосферу тогдашней жизни. Запишите все, что помните про каждый день рождения, или Рождество, или седе¹, или Пасху, про каждого родственника, который там был. Запишите все, что вы клялись не рассказывать ни одной живой душе. Что вы помните про дни рождения? Катастрофы, удачные праздники, лица родных, освещенные свечками на торте? Поройтесь в памяти, отыщите самые мелкие штрихи: кто и что ел, какую музыку слушал, во что вы все были одеты: жуткие купальные шапочки с цветами, мешковатые плавки на мужчинах, платье вашей сексапильной тетушки — такое обтягивающее, что, казалось, ее придется вырезать из него автогенном. Вспомните женские бигуди; подвязки, которыми ваш отец и дяди закрепляли на ноге носок; дедушкины шляпы; школьные костюмчики, которые на ваших кузенах сидели как влитые, а на вас почему-то смотрелись так, будто вы в этой форме только что вылупились из яйца. Опишите пальто; мантии, которые надевали студенты на выпускной; полупальто — что они скрывали, что подчеркивали. Попробуйте вспомнить, что вам подарили на Рождество, когда вам было десять лет, и что вы при этом почувствовали. Запишите, что делали родители после пары рюмок, особенно в тот раз, когда ваш папа приготовил «рыбацкий пунш» на День независимости и все взрослые перемещались по дому чуть ли не ползком.

Помните: все, что случилось с вами, принадлежит вам. Если ваше детство было неидеальным, то вам, вероятно, запрещали рассказывать правду о том, что происходит в семье. Возможно, в глубине души вы до сих пор боитесь, что из-за облаков на вас укажет длинный и костлявый белый палец и трубный глас

¹ Пасхальный вечер у иудеев. *Прим. ред.*

прогремит: «Тебе же велели помалкивать!» Но те времена прошли. Выплесните на бумагу все, что помните о родителях, братьях, сестрах, ближней и дальней родне. А с обвинениями в клевете разберемся позже.

— Но как же? — спрашивают меня студенты. — Как все это сделать?

Надо сесть за работу, говорю я. Постарайтесь усаживаться за письменный стол примерно в одно время каждый день. Так вы приучите подсознание включаться в творческую деятельность. Приступайте каждый день в девять утра или, скажем, в десять вечера. Заправляйте страницу в машинку или включайте компьютер и открывайте нужный файл. Потом вы будете смотреть на него битый час. Потом начнете раскачиваться из стороны в сторону, сначала легонько, потом все сильнее, как огромный ребенок-аутист. Вы будете смотреть в потолок, на часы, а потом зевать и снова тарашиться на пустую страницу. Продолав все это, поставьте пальцы на клавиатуру, мысленно прищурьтесь и взгляните в картинку, что начала формироваться у вас в голове. Возможно, это место действия, или персонаж, или какая-то сценка — неважно. Постарайтесь утихомирить собственные мысли и расслышать, что говорит вам эта картинка. Игнорируйте все остальное: голоса беспокойства, вины, страха перед чужим неодобрением, тяжелой ипохондрии. Считайте, что этот хор — просто вопли злых духов или пьяных обезьян. Возможно, у вас в голове включится внутренний надсмотрщик и выдаст список дел, которые нужно сделать сию же секунду: достать продукты из морозилки, отменить или назначить какую-то встречу, выщипать брови. Мысленно приставьте себе к виску пистолет и велите оставаться на месте. У вас заболит шея. Вы начнете подозревать у себя менингит. Затем зазвонит телефон.

Вы с ненавистью посмотрите в потолок, кое-как напомним себе, что вы воспитанный человек, и вежливо ответите на звонок (ну, может, с легким раздражением). Звонящий обязательно спросит: «Ты что, работаешь?» И вы ответите: «Да!» — потому что вы и правда работаете.

Но в конце концов как-то удастся расчистить канал для внутреннего писательского голоса, истребляя и искореняя все помехи, и начать рождать фразы. Вы как бусины нанизываете слова, чтобы из них получилась история. Очень хочется прорваться к людям: просветить, развлечь, донести до них моменты радости или озарения, воплотить в слове реальные или воображаемые события. Увы, одного хотения мало. Нужны вера, упорство и тяжелый труд. Так что садимся и начинаем.

К сожалению, у меня нет никакого тайного знания или рецепта, который отец открыл бы мне шепотом на смертном одре, никакого секретного кода, который дает возможность сесть за стол и управлять полетом воображения, как диспетчер в аэропорту. Знаю только, что творческий процесс примерно одинаково проходит у всех моих знакомых. Хорошая новость: бывают дни, когда чувствуешь, будто что-то хочет быть написанным и рвется в этот мир, и нужно просто не мешать, дать ему выйти на волю. Это немного похоже на ситуации, когда надо обсудить какой-то больной вопрос, и очень надеешься, что придешь на встречу, откроешь рот, начнешь говорить, и верные слова польются сами собой. Часто бывает, что нужные слова и правда выскакивают и ты... вроде бы «пишешь», выплескиваешь на бумагу много мыслей сразу. Плохая новость: если вы похожи на меня, то наверняка перечитаете написанное и впадете в уныние на весь остаток дня. Да еще и начнете бояться умереть раньше, чем успеете

это все переписать или уничтожить: вдруг мир узнает, как ужасны ваши первые наброски!

От уныния у вас может развиваться бессонница, или же вы к вечеру напьетесь до отключки из отвращения к себе. Но, допустим, вы все же легли в нормальное время и даже заснули. Тогда вы, весьма вероятно, с криком очнетесь часа в четыре утра: вам привидится, что вы умерли, причем не своей смертью. Чтобы успокоиться, вы начнете думать о проделанной работе и вспомните, какой чудовищный отстой сотворили накануне. Тут самое время впасть в мировую скорбь, ощутить полную никчемность жизни, заподозрить, что вас никто никогда по-настоящему не любил. Можно еще испытать всепожирающий стыд за собственную бездарность и осознать, что все уже сделанное нужно выбросить и снова начать с нуля. Но тут вы поймете, что вам не суждено ничего переделать: ведь вы наверняка уже смертельно больны.

И тут происходит чудо: восходит солнце. Вы встаете, совершаете утренний туалет, делаете разные будничные дела и в девять часов оказываетесь за письменным столом. Сначала вы будто в трансе смотрите на исписанные вчера листы и вдруг на четвертой странице находите абзац, полный жизни, красок, запахов, звуков, голосов, даже удачных реплик. И вот тогда вы очень, очень, очень тихо говорите себе: ага! Вы опять смотрите в пространство, но теперь уже барабаните пальцами по столу, и вам наплевать на те первые три страницы, которые придется выкинуть. Это просто три страницы, которые надо было написать, чтобы добраться до четвертой, до того самого эпизода, который вы задумывали в самом начале. Только тогда вы еще не знали, что задумали именно его, и не могли узнать, пока не написали. И вот сюжет начинает обретать фактуру; вы начинаете понимать, что вы *не пишете*, а это помогает осознать, что вы

создаете на самом деле. Представьте художника, который пытается изобразить нечто, увиденное внутренним взором. Вот он начинает с одного края холста: рисует то, что вроде бы должно там быть, но выходит не совсем то. Тогда художник замазывает это место белой краской и начинает сначала, но опять выходит не то. И так снова и снова, пока, наконец, он не увидит: вот как надо!

Как только один фрагмент совпадет с этим вашим внутренним «вот как надо!» — дело пойдет. Даже побежит. Это и правда похоже на стремительный бег; я часто вспоминаю последние строки романа «Кролик, беги»: «...каблуки вначале тяжело грохочут по мостовой, потом, без всяких усилий с его стороны, в нем нарастает какой-то сладкий ужас, шаг становится все легче, быстрее и спокойней, и он бежит. Бежит. Бежит»¹.

Жаль, что я редко чувствую такое вдохновение. Почти никогда. Знаю лишь: если достаточно долго сидеть над страницей, что-нибудь да произойдет.

Студенты молча смотрят на меня минуту-другую.

— А как нам найти агента? — спрашивают они.

Я вздыхаю. Есть справочники, где указаны имена, фамилии, адреса. Когда будет что предъявить, вы можете взять такой справочник, выбрать нескольких агентов, написать им и попросить взглянуть на ваш труд. Скорее всего, они откажутся. Но если вы талантливы и очень упорны, кто-нибудь в конце концов прочтет ваш текст и возьмется за дело. Это я почти могу обещать. Но до тех пор мы сосредоточимся на рабочем процессе и будем учиться хорошо писать. Чем лучше человек пишет, тем лучше он читает,

¹ «Кролик, беги» — роман американского прозаика Джона Апдайка (1932–2009). Пер. с англ. М. Беккер. *Прим. пер.*

тем больше находит в чужом тексте. Учиться писать стоит хотя бы ради этого.

Но мои ученики мне не верят. Они хотят, чтобы у них был агент и чтобы их печатали. И платили гонорары.

Почти все они пишут уже давно, некоторые — большую часть жизни. Многим не раз говорили, что пишут они хорошо. И им хочется понять, почему же тогда они будто сходят с ума, когда садятся за очередной текст, почему сначала у них полно прекрасных идей, а потом они печатают первое предложение и с ужасом видят, что оно никуда не годится. Откуда берутся все эти нервные расстройства, что выходят на поверхность, как форель из омута: тоска, отвращение к себе, то завышенная, то заниженная самооценка, неспособность додумать мысль до конца и даже чрезмерное стремление к чистоте, как у Говарда Хьюза¹ с его боязнью микробов. Ах да, не забудьте манию преследования.

Я говорю им: можно испугаться и поддаться этому. А можно сделать из той же паранойи чудесный материал для творчества. Рассматривайте ее как производственное сырье: например, вы можете создать персонажа-параноика и раскрыть этот образ с новой и неожиданной стороны, сделать его правдивым, выпуклым, страшным или забавным. Я читаю им стихотворение Филиппа Лопейта², которое мне однажды прислал кто-то из друзей. Стихи такие.

¹ Говард Хьюз (1905–1976) — американский промышленник, инженер, новатор американской авиации, кинопродюсер, режиссер. Известен также своим эксцентричным поведением и многочисленными фобиями. *Прим. ред.*

² Филипп Лопейт (род. 1943) — американский поэт, прозаик, кинокритик. *Прим. пер.*

Хочешь правду?
Думаешь, мы все в сговоре?
Мы, друзья и родные,
нарочно тебя пытаем под стать врагам?
Вместе казни выдумываем все новые?
Да, нарочно. Да, вместе. По четвергам.
Только, знай, и мечтаем, как нам опять
растравить тебе душу, да посильнее,
да подольше, да побольнее,
вымотать аж до стога.
Нервы истрепать:
ни к сердцу прижать,
ни к черту послать,
ни пустить уже на все стороны.
Так вот и живем: мучим, а потом
сядем и планируем заново.
Вот тебе, дружок,
и четверг пришел.
Вот такая теория заговора.

Они таращатся на меня, будто в сцене из «Полета над гнездом кукушки». Только троим показалось, что стихи про паранойю — это смешно или что в них есть своя художественная правда. Несколько человек глядят с отчаянием. Те, кто сильнее всего хочет публиковаться, просто думают, что я стерва. У некоторых сломленный вид, кое-кто смотрит с явным отвращением, словно я стою перед ними голая при ярком свете.

Наконец кто-то тянет руку:

— А если сразу послать рукопись в издательство? Без агента никак нельзя?

Пару секунд я молчу, потом отвечаю:

— Нет. Без агента нельзя.

Проблема всякий раз в том, что люди хотят публиковаться. То есть они вроде бы хотят писать, но на самом деле им надо, чтоб их печатали. Я говорю им: «С таким подходом ничего не добьешься. Представьте себе дверь, в которую мы все хотели бы войти. Так вот, чтобы найти и открыть ее, надо писать. Начать писать — почти как завести ребенка: ты встряхиваешься, начинаешь обращать внимание на разные мелочи, становишься более чутким. А сам факт публикации ничего этого не даст. В дверь вы так не войдете».

Однажды, когда моему сыну Сэму было три с половиной года, он нарочно вышел из дома и захлопнул за собой дверь. У него были ключи от игрушечных наручников. Я сидела на диване и читала газету, как вдруг услышала, что он вставил в скважину эти пластмассовые ключи и ломится обратно в дом. Потом он выдал:

— Твою мать!

Рот у меня открылся, как на картине Эдварда Мунка «Крик». Я даже не сразу встала и отперла дверь.

— Что ты сейчас сказал, сынок? — переспросила я.

— Твою мать, — повторил Сэм.

— Сынок, но это же очень плохие слова. Давай мы их совсем-совсем не будем говорить, ладно?

Он потупился, кивнул и обещал:

— Ладно, мам. — Потом подался ко мне и доверительно продолжил: — А знаешь, почему я сказал плохие слова?

— Почему?

— Из-за этих гребаных ключей!

Игрушечным ключом дверь не отпнешь. А те чудеса, которых люди ждут от публикации, — фантазия, обманка. Как голограмма орла на кредитной карте: летает только понарошку. Есть только один настоящий способ: долби каждый день свои гаммы, бери пьесы все сложнее и сложнее, слушай, как великие музыканты играют твои любимые вещи, — и потихоньку научись. Есть в работе моменты, когда все наскучит и встанет поперек горла, и не знаешь, сможешь ли ты сегодня взять себя в руки и продолжать. Вы думаете, у признанных писателей не бывает этих часов скуки и уныния, когда сам себе кажешься ничтожным и суетливым, как блоха? Все бывает. Но порой чувствуешь, что писать — великое счастье, что именно этим ты хочешь заниматься всю жизнь. Тот, кто вправду всей душой жаждет писать, всегда найдет способ сказать свое слово. И сделать это очень, очень важно.

— Ну и чем же это важно? — спрашивают мои студенты.

Да тем, что для некоторых из нас книги дороже чуть ли не всего на свете. Какое чудо, что в этих маленьких, твердых, почти плоских кирпичиках бумаги таятся новые миры, которые поют тебе, утешают, успокаивают или окрыляют. Книги помогают нам понять, кто мы есть и как нам надо поступать. Они объясняют, что такое родство и дружба, показывают, как надо жить, а как умирать. В них есть то, чего не найдешь в повседневной жизни: например великолепный поэтический язык; новые, с иголки, слова. И внимание для них нужно новое, другое. Мы многое видим в обыденной жизни, но далеко не всегда даем себе труд остановиться, по-настоящему заметить, запомнить. Писатель же заставляет нас замечать детали, и это огромный дар. Я безгранично

ЧАСТЬ I. МЫ ПИШЕМ

благодарна тем, кто по-настоящему хорошо пишет, почти так же, как благодарна океану за то, что он есть. А вы? — спрашиваю я студентов.

Большинство кивает. Вот почему они пришли сюда: они любят читать, любят хорошо написанные тексты и тоже хотели бы писать хорошо. Но некоторые по-прежнему глядят на меня с безнадежной тоской, как будто их предали и они мечтают повеситься. «Деньги за обучение возвращать поздно, — жизнерадостно говорю я. — Но могу предложить кое-что получше». Далее вы найдете два самых полезных совета, какие я могу дать начинающим писателям.

Малые дозы

Полезный совет номер один: писать лучше понемногу, маленькими порциями. Часто бывает так: замышляешь автобиографический роман о собственном детстве, или пьесу из жизни иммигрантов, или трактат о... ну, скажем, роли женщины в истории. Но браться за это сразу — все равно что карабкаться по склону ледника. Ноги скользят, пальцы краснеют, мерзнут, из ран сочится кровь. Затем из глубин подсознания заявляются в гости все твои нервные расстройства и рассаживаются вокруг стола, как больные и чахлые родственники. Они стараются помалкивать, но ты чувствуешь тяжелый дух и знаешь, что они маячат где-то поблизости, за самой твоей спиной.

Что делать в такие моменты, когда захлестывает паника, в висках начинают бить тамтамы и понимаешь, что источник вдохновения иссяк, твое будущее позади, пора искать нормальную работу, только тебя никто на нее не возьмет? Я беру паузу. Останавливаюсь и стараюсь глубоко дышать, потому что в такие минуты я либо сижу за столом, пыхтя как собака, либо издаю натужный астматический хрип. Так что я заставляю себя дышать ровно и медленно и отпускаю мысли на волю. Через минуту-другую обнаруживается: я обдумываю, не исправить ли мне прикус или я уже для этого старовата; не сделать ли пару звонков; не поучиться ли наконец пользоваться косметикой и не поискать ли нормального мужчину без всяких пунктиков и бзиков, и как прекрасна тогда будет жизнь, и как я всегда буду

счастлива. Еще я думаю про всех тех людей, которым надо было позвонить до того, как я засела за работу, и что хорошо бы связаться с издателем и рассказать ему про мой прекрасный замысел, и посмотреть, воодушевит ли замысел его. Можно еще спросить у издателя, не надо ли мне исправить зубы. А то он как-то странно смотрит на меня, когда мы вместе обедаем. Потом я вспоминаю какую-нибудь недавнюю ссору или денежную проблему, которая отравляет мне жизнь, и решаю, что нужно немедленно что-то предпринять и исправить ситуацию, прежде чем погружаться в работу. Так я и мечусь, будто собака с игрушечной косточкой: помусолю, потопчу, закину за спину, погоняюсь, полижу, пожую, еще раз закину за спину. Разве что не лаю. Но на все это уходит минута или две, так что времени теряется не очень много. Хотя я все равно выматываюсь. И вот я снова пытаюсь дышать медленно и глубоко — и наконец замечаю рамку для фотографии пять на восемь сантиметров, которую специально поставила себе на стол, чтобы помнить про малые дозы.

Рамка напоминает мне: нужно написать кусочек. Маленький, как фотография пять на восемь. На сегодня это все. Вот сейчас, например, я напишу только один абзац про место и время действия. Место: мой родной городок. Время: конец пятидесятых, когда у нас еще вовсю ходили поезда. Я нарисую это все как картинку, только словами и на мониторе компьютера. Или опишу главную героиню в тот момент, когда мы впервые ее видим. Вот она выходит из дому на парадное крыльцо. Я даже не стану сейчас описывать выражение ее лица при виде слепой собаки, которая сидит у колеса ее машины. Один маленький кусочек; только то, что можно разглядеть через рамку размерами пять на восемь сантиметров. Только портрет женщины, которая живет в городе, где родилась и выросла я сама.

Эдгар Доктору¹ однажды сказал: «Писать роман — это как вести машину ночью. Видишь только то, что фары выхватывают из темноты; и все же так можно проделать весь путь». Не надо видеть конечную цель, не надо видеть пункт назначения и все то, что будешь проезжать по дороге. Достаточно видеть на несколько метров вперед. Это, пожалуй, один из лучших советов насчет писательства, какие мне доводилось слышать. Да и насчет жизни вообще.

Поэтому, всласть надумавшись о людях, которые меня бесят, и о финансовых катаклизмах, и, конечно же, о неровных зубах, я мысленно беру маленькую рамку и выделяю для себя кусочек истории, который буду рассказывать сегодня: один эпизод, одно воспоминание, один разговор. Еще я вспоминаю случай из нашего детства (я уже его где-то описывала, но он безотказно помогает мне взять себя в руки). Тридцать лет назад мой старший брат — тогда ему было десять — бился над школьным заданием, которое должен был сдать на следующий день. Им велели описать наших местных птиц; изначально на все отводилось три месяца, но брат ничего не успел. И вот он, чуть не плача, сидел за кухонным столом у нас дома в Болинасе, весь обложенный альбомами, карандашами и непрочитанными книгами про птиц. Объем работы парализовал его. Тогда пришел папа, сел рядом с ним, обнял и сказал: «Птицу за птицей, друг. Описывай птицу за птицей».

Я люблю рассказывать эту историю, потому что после нее чувство полной безысходности у моих студентов обычно идет на убыль. Иногда у них возникает надежда, а она, как говорил Честертон, есть

¹ Эдгар Доктору (род. 1931) — американский прозаик и литературный критик.
Прим. пер.

ЧАСТЬ I. МЫ ПИШЕМ

способность не терять бодрость духа в самом отчаянном положении. Сочинительство — довольно-таки отчаянная затея, ведь оно касается наших самых глубоких потребностей: быть увиденными, услышанными, придать осмысленность жизни, проснуться, вырасти душой, найти себе место в мире. Неудивительно, что мы иногда начинаем принимать себя чересчур всерьез. По этому поводу могу рассказать еще одну историю.

Есть такой фильм с Биллом Мюрреем — «Добровольцы поневоле»¹. Главный герой попадает в армию, и в первый вечер весь их взвод собирают в казарме. Новобранцы должны познакомиться друг с другом и со своим сержантом (его играет Уоррен Оутс). Каждый говорит несколько слов о себе: кто он, откуда, чем интересуется. Наконец очередь доходит до злущего и дерганого парня по имени Фрэнсис. Он говорит: «Вообще я Фрэнсис, но меня так никто не зовет. Попробуйте назвать меня Фрэнсис — убью. И еще. Ненавижу, когда меня трогают. Попробуйте меня тронуть — убью». И в этот момент к нему подсказывает Уоррен Оутс и говорит: «Эй, Фрэнсис! Да будь ты попроще!»

Неплохая фраза. Советую распечатать и повесить у себя в кабинете.

Скажите себе мягко и ласково: «Радость моя, мы сейчас просто напишем про речку на закате, или про то, как ребенок плавает в бассейне, или про то, как мужчина первый раз встречает свою будущую жену. Вот и все. Будем описывать птицу за птицей. Но уж этот маленький кусочек доведем до конца».

¹ «Добровольцы поневоле» (Stripes) — американская комедия 1981 года, режиссер Айван Райтман. *Прим. ред.*